

**Иванчин-Писарев Николай
Дмитриевич**

День в Троицкой лавре

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Дмитриевич И.**
День в Троицкой лавре / Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 104 с.

ISBN 978-5-519-86717-7

ISBN 978-5-519-86717-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДУШѢ

ВЪ

ТРОИЦКОЙ ЛАВРѢ.

Я хотѣлъ еще разъ поклониться святынь, которую видѣлъ въ младенчествѣ, предъ которою умилялся въ лѣтахъ зрѣлыхъ.

«Есть звукъ сердца Русскаго,» сказалъ нашъ лучший писатель, говоря о словесности (*). Приложивъ смыслъ этихъ словъ къ исторической топографіи, скажемъ: есть названія мѣстъ ему родныя. Не смотря на ихъ стародавнюю простоту, сбережемъ ихъ для потомства: онѣ, какъ напѣвы колыбельные, питаютъ любовь къ отечеству, — въ нихъ отголосокъ его прежняго быта, его переворотовъ, страданій и славы. Сильнѣе многихъ другихъ дѣйствуетъ на Русскихъ народное *Троицы Сергія*. Напоминая о вѣковыхъ моленныхъ подвигахъ, о благодати свыше осѣняющей эту обитель, оно много говоритъ намъ и о трудахъ, подъятыхъ сю за Россію. Когда же все это сливается съ помяномъ первыхъ лѣтъ, первыхъ богомольствъ еще съ родителями и наставниками, тогда электризмъ

(*) См. *Речь въ Академіи Карамзина*.

этихъ словъ потрясаетъ душу во всѣ періоды жизни 1).

Я выѣзжалъ изъ Москвы, слѣдя мѣста великихъ же воспоминаній: я проѣзжалъ это *Кучково поле*, эти стогны двухъ *Георгіевъ (*)*, *Михаила Храбраго*, *Даніила* и *Калиты*; мнѣ мелькали храмы: *Введенія*, подлѣ котораго бился *Пожарскій*, кропя своею кровію каждый шагъ, отбываемый у *Ляховъ*, и *Срътенія*, воздвигнутый тамъ, гдѣ Москва, испуганная *Тамерланомъ*, увидѣла свой щитъ—несомую изъ *Владимира* икону *Боголюбскаго*; гдѣ раздавался кликъ милліона: «*Матерь Божія! спаси землю Русскую!*» между тѣмъ, какъ властелинъ *Самарканда* снималъ свои шатры, внезапнымъ ужасомъ объятый, гдѣ, послѣ, торжествующая Москва, упавъ къ ногамъ *Іоанна*, радостнымъ плачемъ поздравила его съ *Казанью* и первороднымъ сыномъ; откуда, затѣнивъ бранный шлемъ вѣнцемъ *Мономаха*, онъ пошелъ за крестами къ святой *Кремль*, чтобъ усладиться всѣми радостями отца, супруга и Монарха.

Не лѣзя выѣхать изъ Москвы въ *Лавру*, не взглянувъ на монументъ вѣрности, сохранившей намъ *Петра*,—на величественную башню, имъ посвященную имени *Стольника Сухарева*: Великій умъ и этотъ памятникъ обратить въ памятникъ нашего просвѣщенія. Миновавъ храмъ, созданный его матерью, добродѣтельною, кроткою *Наталіей*, увидите

(*) *Владиміровича* и *Всеволодовича*.

садъ, насажденный цѣлебными растеніями, и вспомните еще разъ объ Отцѣ отечества 2).

Проезжая слободы, нѣкогда Троицкія, воображаемъ, что была Сергіевская обитель для Москвы и Россіи: весь этотъ край столицы принадлежалъ ей 3)! Мысль о ея знаменитости еще усиливается, когда, при выѣздѣ изъ города, открывается предъ вами путь, по которому спѣшили пѣшіе Монархи молить или благодарить Бога надъ гробомъ Сергія.

На этомъ ли пути не искать слѣдовъ историческихъ! — Но тамъ нѣтъ уже и тѣхъ, которые находилъ покойный Исторіографъ. Онъ говорилъ Русскимъ: «Пусть одно время, а не рука человѣческая, разрушитъ дворецъ села Алексѣевского! «У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ болѣе должны мы беречь, что есть.» Но человѣческая рука, втиснувшая надгробный камень Пересвѣта въ церковный фундаментъ, надгробный камень Пожарскаго въ рундукъ Ефимьевскаго монастыря, рука, водимая невѣжествомъ, давно сожгла въ овинахъ и стѣны, въ которыхъ жилъ отецъ Петра Великаго 4). Уже мало и слышно тамъ объ этомъ дворцѣ: изустныя преданія старцевъ-поселянъ были сообщаемы ихъ внукамъ, но эти слѣдуютъ нынѣ влеченію *позитивнаго* вѣка, хотя—слава Богу—еще не напитались *юморизмомъ*. Рѣшаюсь быть его жертвою: пусть назовутъ меня дурнымъ подражателемъ Стерна,—я желалъ бы застать и смородиновыя кусты, съ которыхъ Царевны могли еще брать ягоды.

Когда душа настроена къ какому нибудь одному чувству, тогда и маловажные предметы, его питающіе, мечутся въ глаза: я замѣтилъ, что отъ Москвы до Лавры ни одного вѣковаго дерева не попало мнѣ на всемъ лѣсистой пространствѣ. Можетъ быть, еще недавно пали отъ топора, а не отъ времени, липа или вязъ, подъ которыми отдыхали пѣшеходствовавшіе Ввиценосцы: покоритель Казани съ добродѣтельною Анастасіею, Михаилъ съ смиренною Евдокіею, родители Петра, Елизавета или Екатерина Великая (*)! Можетъ быть, вѣтвистые старцы еще бы долго зеленѣли, но пали преждевременно. Дивиться нѣчему: я слышалъ за-вѣрное, что въ самой Москвѣ рубили старыя деревья, да еще какія!... Многимъ памятен стихъ Делия, въ которыхъ онъ оплакиваетъ срубленіе Версальскихъ: что-же скажемъ мы о срубленіи нѣкоторыхъ деревъ въ Лефортовѣ, въ Петровскомъ, бывшемъ Разумовскомъ, и еще въ другихъ мѣстахъ 5)?—У насъ искони главными просвѣтителями были наши Монархи: они всегда обращали уважительное вниманіе на все ознаменованное печатію любопытной давности, когда бывали извѣщены объ ономъ; сохранили прежній видъ *Спаса на Бору* при всей несообразности его съ другими зданіями; обнесли щитомъ домикъ Петра Великаго и поставили стражу у Коломенскаго дуба. Екатерина II, сказываютъ старожилы, прогнѣвалась за срубле-

(*) Всѣ упомянутые державные пѣшеходствовали въ Лавру; Екатерина, въ 1775, къ Троицыну дню.

ніе какихъ-то историческихъ деревь въ подмосковномъ Царицынѣ. Государь, нынѣ прославляющій насъ, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ печется о сохраненіи остатковъ отечественныхъ памятниковъ: судьбѣ угодно, чтобы никакая слава не миновала Его вѣнца (*). Но мы, какъ и Россіяне Петра, еще мало подражаемъ своимъ державнымъ Вождямъ, — не всегда имъ способствуемъ хранить вѣковое.

Оставя на минуту все воспоминательное, археологическое, замѣтимъ, что Карамзинъ въ описаніи Путешествія своего въ Лавру ошибался, находя истребленіе лѣсовъ не опаснымъ для Россіи. Прошло съ тѣхъ поръ не болѣе 36 лѣтъ, — и лишь неуспѣшныя попеченія Правительства и помѣщиковъ, сберегая остатки лѣсовъ, могутъ сохранить ее нынѣ отъ вліянія стужи, угрожающей жилищамъ, городскимъ и сельскимъ. Такъ, мы обсушимъ болота, расселимся, — но дыханіемъ своимъ не нагрѣемъ атмосферы, сжимаемой 30-ю градусами мороза, хотя бы и размножились какъ Китайцы. Слѣдствіи благотворительной идеи Г. Демидова искать земляныхъ угольевъ по Южнымъ краямъ Россіи, кажется, не велятъ намъ и думать о продовольствіи себя этимъ средствомъ. Повторяю, здѣсь ошибался и Карам-

(*) Вѣрные, благонамѣренные, истинно просвѣщенные исполнители Его воли ограждаютъ нынѣ отечественные памятники, не только отъ разрушенія, но и отъ критицизма, посягающаго на оное.

знѣ, хотя и признавалъ, что Переяславль по однимъ только слѣдамъ лѣснаго грунта можетъ еще называться *зальскимъ* 6).

Вся дорога усьяна веренищами богомольцевъ. Я спрашивалъ: «Откуда?» — «Изъ Епифани, Ельца, Тамбова къ *Троицъ Сергія*, — къ *Сергію Радонежскому*.» — О Русь! святая Русь! ты, не смотря на мудрованія вѣка, не престаешь тѣснить пути, стремясь къ великому слугѣ Божію, къ твоему вѣковому предстателю! Пусть мнимые наблюдатели смѣшаютъ эти пѣшеходства съ пилигримствами новой Италіи: скажу изъ глубины сердца: пѣть! на Троицкомъ пути я встрѣчалъ прямое вѣрованіе, прямую теплоту, прямое сокрушеніе простыхъ сердець, еще неизсякшія въ нашемъ отечествѣ.

Завидна участь автора, съ помпомъ котораго сдружилось все полезное, все благодѣтельное его времени, — сказалъ я, взглянувъ на Мытищинскіе водопроводы, видные съ дороги. Карамзинъ, благоговѣя къ великимъ думамъ Екатерины, которая, какъ говорилъ онъ въ Похвальномъ Ей словѣ, «успѣла осыпать насъ благодѣянiami на теченіе вѣковъ,» первый высказалъ Русскимъ объ этомъ предпріятіи, какъ о залогѣ любви добрыхъ Государей къ доброму народу. Безъ него, можетъ быть, намѣреніе могло бы, какъ и все земное, или не довершиться или предаться забвенію, — и свѣжія, легкія струи, *полезнѣйшія самыхъ Аптекъ*, долго бы еще не брызнули вблизи памятниковъ, имъ же

придуманныхъ , вблизи садовъ стѣны Кремлевской, имъ же предначертанныхъ 7). Напоминать Правительству о полезномъ , славя его благіе помыслы, значить содѣйствовать ему ко славѣ и благоденствію отечества, достойно снискивать признательность Монарховъ и согражданъ, и заранѣе срътать благословенія потомства 8).

Ростокіно напомнило мнѣ одну изъ эпохъ возрожденія нашего къ величію и славѣ послѣ вѣковыхъ испытаній: тамъ народъ Московскій кипѣлъ на пространствѣ семи верстъ , желая встрѣтить покорителя Могольскаго царства, и ударить ему челомъ за Казань, еще не допустивъ его до столицы.

Я проѣхалъ село Братовщину , этотъ привалъ державныхъ богомольцевъ. Останавливаться тамъ было не нужно: тамъ уже нѣтъ слѣдовъ ни древняго храма, ни Царской вышки, нѣкогда столь пзвѣстной. Въ этомъ селѣ былъ дворецъ Іоанна IV, и напоминалъ уже не о славномъ періодѣ его жизни: въ немъ принятъ былъ дерзкій посолъ Девлетъ-Гирея послѣ сожженія Москвы. Въ немъ постигъ Годунова первый ударъ мстящей десницы Провидѣнія: тамъ получилъ онъ вѣсть о болѣзни жениха Царевны Ксеніи. Но здѣсь совершилась еще одна великая встрѣча: когда юный Михаилъ шелъ успокоить сиротѣвшее царство и начать племя его Прославителей, сюда подвиглась святыня Московская при кликѣ всего народа, — и коснувшійся древ-

няго посоха державствѣ (*), благословляемый Іерархами, привѣтствуемый вождями-спасителями, Князьями древнихъ племенъ, Боярами и всѣми людьми, — кропимый слезами матери, которая приносила новую жертву Авраама, отрокъ шелъ закрыть всѣ раны отечества, или погибнуть въ новыхъ козняхъ. Великъ, страшенъ былъ предстоявшій подвигъ : но жены Россіянъ отрывали отъ груди младенцевъ, клали ихъ къ ногамъ Михаила, — и Марѳа предавала его волю Божіей и народной.

Дѣти! и вамъ святой Сергій оставилъ великій примѣръ — примѣръ любви сыновней. Такому-ли мужу не сохранить первѣйшую обязанность чело-вѣческаго сердца? — Но онъ умѣлъ передать и въ-камъ свое сыновнее чувство, заповѣдавъ Русскимъ посѣщать гробы Кирѣла и Маріи. Туда заѣзжали со мною, младенцемъ, отецъ и мать. Помню, какъ читали молитвы надъ родителями Св. Сергія, а послѣ обкладывали меня образками и ладонками. Я не смѣлъ не заѣхать въ Хотьковъ.

Открылась Лавра. — Приближаясь къ ней, чье сердце Русское не встрѣпенется и не разбудить своей памяти? — Но ея наружный видъ издали, признаюсь, примѣшпваетъ во мнѣ къ чувству умпле-

(*) Святители и Бояре, умоливъ и устранивъ мать Михайлову заклятіями, дали ему коснуться посоха Андрея Боголюбскаго, который находится нынѣ въ Московской Оружейной : это значило, что онъ принялъ царство.

нія какое-то требованіе: желалъ бы видѣть ее, если не въ самомъ первоначальномъ образѣ, по крайней мѣрѣ безъ рѣзкой противоположности древняго съ какимъ-то *рококо*, вѣнчающимъ высокое сквозное зданіе. Напоминая о Пекинѣ, Троицкая колокольня превосходитъ *лишь* *вышиною* Ивановскую въ Москвѣ, эту величественную колонну, образецъ первобытнаго зодчества древнѣйшихъ народовъ 9). Если бы принаровка всегда управляла вкусомъ, то стоило бы внимательно рассмотреть нѣкоторые старинныя колокольни въ самой Москвѣ, когда уже непременно хотѣли избѣгнуть подражанія Ивановской. Растрелли, жившій во время совершенной испорченности вкуса, не удостоилъ на нихъ и взглянуть, забывъ правило, что не отклоняться отъ существующихъ образцовъ, и не изобрѣтать самонадѣянно своихъ часто бываетъ дѣломъ генія, — и оставилъ примѣръ въ поученіе потомству. И въ искусствахъ и въ наукахъ, самолюбіе и стремленіе къ новизнѣ рождаютъ отклоненіе отъ изящнаго, не подозрѣвая, что чувство истины и прямой красоты, общее всѣмъ вѣкамъ, не минуетъ его своимъ приговоромъ. Архитекторъ Растрелли былъ еще послѣдователемъ Бернини, который своими прибавочными завитками исказилъ каѳедру въ Римскомъ соборѣ Св. Петра и многое въ украшеніяхъ Лувра, послѣ Перрольта. Старые наши Аристотели Фіоравенти, Піетры-Антоніи и Алевизы были соображательнѣе и старались держаться мѣстности и приличій. Когда недоставало имъ образцовъ среди зданій Московскихъ, они объѣзжали древнюю Рос-

сію и возвращались обогащенными памятію видѣннаго, которое сливали въ своихъ планахъ съ современнымъ или идеальнымъ.

Послѣ завитковъ и Пекинскихъ переклѣтовъ, страсть къ Греческому стилю времени языческихъ, истребляя все согласное съ нашими воспоминаніями, совращая насъ съ Византическаго, строя свѣтлыя Пантеоны, грозила дойти монументальную архитектуру; — но планъ Спасителя храма утѣшилъ меня: сердце Русскаго будетъ тамъ молиться, благодарить за славное спасеніе отечества и вселенной, забывая о странѣ Фидіа, и не переносясь въ Элладу, ему чуждую: у него свои Марафоны, свои Термопилы 10).

Я остановился предъ Святыми вратами: вотъ сѣнь, въ которую ни одинъ изъ Царей не вступалъ на коняхъ и съ покровенною главою, — пройдя которую послѣ часа уложеннаго Сергіемъ, и святыя предавали себя покаянію (*)! — Съ этой мыслию я вошелъ въ ограду. Священна каждая пядень этой земли: по ней ступалъ юноша, рано взглянувшій на мимотечность дольняго, рано воцарившійся надъ страстями. Здѣсь, въ чащѣ мрачнаго лѣса и дебрей пустынныхъ, ревъ звѣрей не заглушалъ его бесѣды съ Богомъ; ихъ не прерывали ни бранный гомель Княжескихъ усобицъ, ни мятежныя пореванія сердца, еще юнаго гостя земли. Здѣсь зачался моле-

(*) Св. Пафнуцій Боровскій, завечерѣвшій въ бесѣдѣ съ тогдашнимъ игуменомъ.